

Виталий
Григорьевич

Плавунчик

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ МОСКВА 1986

Преудивительная у нас водится птичка. Называется — плавунчик.

Где бы вы, ни жили летом — на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке, — всюду вы можете этих птичек встретить. И всегда неожиданно. А на завтра придёте туда, где их видели, — их уж нет.

Ищите их на море, в озере, на реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма — и тут вам могут попасться на глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

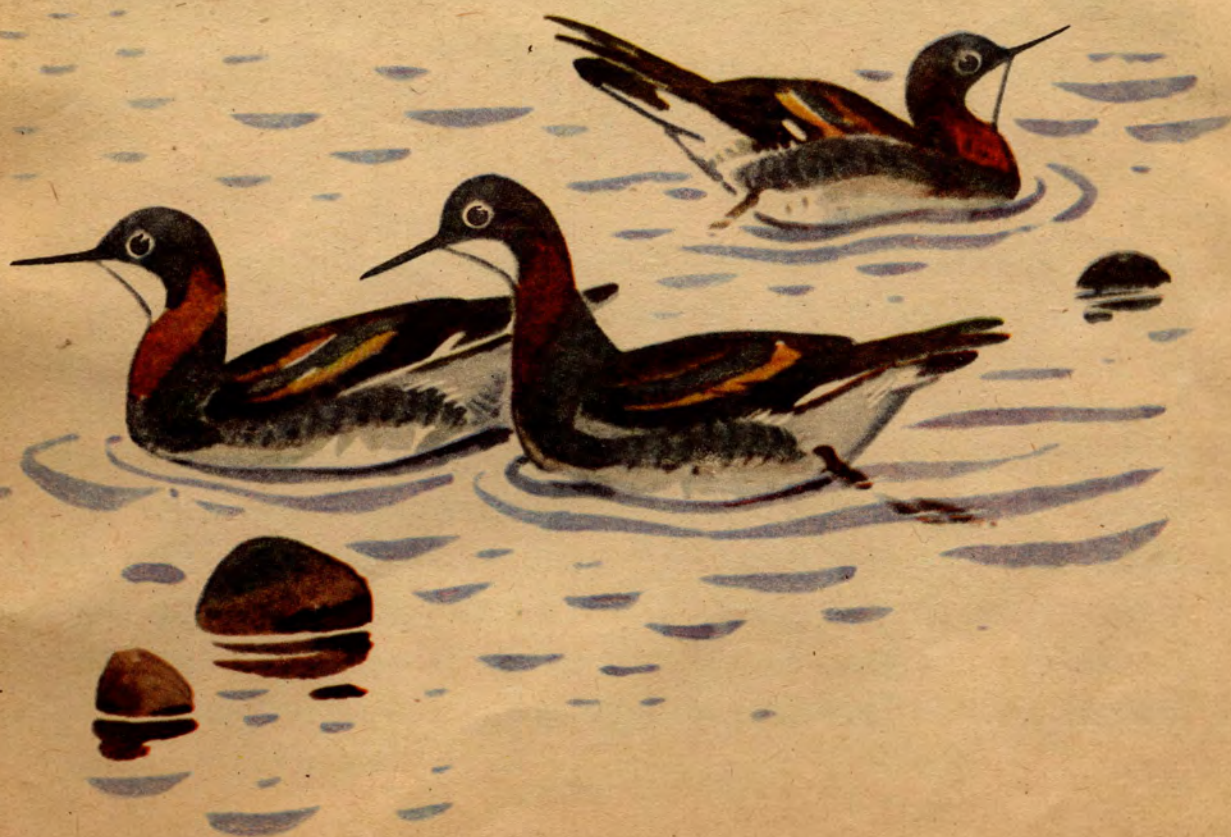

Птички эти из куликов. Кулики — стройные такие птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут больше по болотам, по берегам рек, озёр. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются, кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики — кулики, да у них, как говорит мой сынишка, всё шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Спросите, на кого плавунчики похожи? Как их узнать если встретишь?

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят на воде: сидят и танцуют на волнах, как поплавки. Сами белые, и серые, и красноватенькие — пёстро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко-редко встретишь. Они всё в компании.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел, очень удивился. Пришёл домой и говорит:

— Что за птиц таких я видел, — просто не пойму! Идёшь — все птицы от тебя удирают, разлетаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу — они не только не улетают, даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются головой под воду, как маленькие уточки. Ни минуты не посидят спокойно: кружат жуками на воде. А то в чехарду начнут играть:

прыгают друг через друга, перепархивают — и опять на воду садятся.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами, — прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а завтра исчезнет. Пройдёт два-три дня, другая стайка появится. И так всё лето.

Сынишка мой говорит:

— Вот бездельники! Другие птицы — всё на гнёздах, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на

воде играют всё лето. Наверно, это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки — серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие, а курочки — франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут в гнёзда яйца — и до свидания! Улетают. Петушки одни на гнёздах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить. А курочки-франтихи всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

— Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А всё-

таки я их шибко залюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

— Очень хорошие, — согласился я.

И вот раз утром прибегает мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку.

Прибегает и говорит:

— Смотрите, кого я принёс.

Лезет себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

— Я, — говорит, — сидел на берегу с удочкой. Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю,

какая-то маленькая птичка мчится. Вороны её ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит.

Увидела меня — и прямо ко мне. Примчалась — и в ноги мне. И сидит.

«Туик!» — говорит. Я сразу понял: «Защити меня», — просит.

Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились, видят — со мной не справиться, и отлетели.

Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал — домой с ним. Вот он — видите, какой.

Плавунчик ходит себе по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мы, думали, — что с ним делать? Конечно, такая милая птичка — радость в доме. Но чем её кормить? И ведь ей плавать надо. Держать дома трудно.

Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки.

Он ничего — пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле, в лес.

В лесу, среди вырубки, знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днём туда разные кулики прилетали — покормиться, а на ночь — утки.

На этой яме мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза: «туик, уик!» — вроде, значит, «спасибо» сказал, «до свидания» — и как ни в чём не бывало принялся жуком кружить по воде, пить и есть.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им. Наконец я говорю:

— Ну, пойдём. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждёт. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму — к своей стайке. Птица вольная — ей так хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались в елушках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой — и видим: плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из елушек, машу на него рукой:

— Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!

А он посмотрел на меня, «туик!» пискнул, вроде «здравствуй» сказал, и плывёт к нам. Подплыл и у наших ног кувыркается, тинку со дна носом достаёт — закусывает.

Сынишка говорит:

— Пойдём-ка, пап, домой лучше. А то ещё ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде, — ну, как тут стрелять: дробь разлетится — ненароком и его заденёт.

Пришла пора — с севера, из тундры, прилетели стайки сереньких плавунчиков: петушки со своими воспитанниками — молодыми.

Поплавали немножко на Каме все вместе — с франтихами-самочками. И исчезли.

Это они в своё осеннее путешествие отправились — на зимовки. А зимовки у них в далёких жарких странах — в Индии, в Индокитае и ещё дальше.

Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

И, пожалуйста, ребята, если где встретите его или других плавунчиков, — не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям.

А ведь так приятно, так хорошо на душе становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего.

Особенно, когда так в тебя верит беззащитное маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

15 коп.

Для дошкольного возраста
Виталий Валентинович Бианки
ПЛАВУНЧИК
Художник В. Федотов

Редактор Н. Сендерова. Художественный редактор Г. Крюкова
Технический редактор Е. Соколова. Корректор Н. Пьянкова

Сдано в набор 16.03.81. Подписано в печать 25.01.85. 60×90¹/₄. Бум. офс. № 1. Гарнитура латинск.
Печать офсет. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отт. 8,0. Уч.-изд. л. 1,49. Тираж 300 000 экз. Изд. № 1180.
Заказ № 336. Цена 15 коп. По оригиналам издательства «Малыш», 101463, Москва, Бутырский вал, 68.
Московская типография № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

© илл. Издательство «Малыш» 1985

Б 4803010102—150 без объявл.
М102(03)—85